Текст · 12 июля 2019, 12:01
Дмитрий Швец,

Три четверти жизни. Пенсионер из Уфы уже 60 лет добивается отмены приговора, основанного на показаниях односельчан, которые признались в лжесвидетельстве

17 июля президиум Верховного суда Башкирии должен рассмотреть жалобу 82-летнего Фатхуллы Исхакова, осужденного в 1959 году за покушение на убийство трех односельчанок и уже более полувека требующего отмены приговора. «Медиазона» рассказывает, как ему удалось разыскать свидетелей, которые по требованию милиционеров оклеветали невиновного — но так и не удалось добиться реабилитации.

Утром 23 мая 1959 года жители татарского села Большие Каркалы в юго-западной части Башкирии только и говорили, что о ночном происшествии: кто-то забрался в дом Рахматуллиных и изрезал лица трем спящим женщинам. На заборе нацарапали странные слова «штыр», «мтыр» и еще нецензурные — обозначающие мужские и женские гениталии. Рядом с домом нашли окровавленный топор.

Тут же был задержан 22-летний Фатхулла Исхаков, который жил напротив Рахматуллиных — на него указали несколько молодых односельчан.

«Ночь была лунная, а поэтому вышеперечисленные свидетели хорошо заметили, что человек в доме Рахматуллиных есть Исхаков», — говорилось

в приговоре народного суда первого участка Миякинского района Башкирской АССР.

Мотивом преступника следствие называло месть: Фатхулла только несколько месяцев назад вернулся в родное село, отбыв в лагере почти два года за кражу меда, а показания против него дал Раис Рахматуллин, родственник потерпевших.

Фатхулла вину отрицал и настаивал, что в ночь нападения спал у себя дома. Его осудили на 15 лет лишения свободы.

Сейчас Исхакову уже 82 года, и 60 из них он пытается добиться реабилитации. За это время им написано невероятное количество жалоб, но главное — получены и задокументированы показания свидетелей, которые признались, что обвинили невиновного парня в преступлении, которое сами же и совершили.

19 июня в Верховном суде Башкирии должен был собраться президиум, который мог вынести решение об отмене приговора. Но заседание отложили, и теперь Исхаков думает, что власти просто дожидаются его смерти.

Герой всех сабантуев

За пару дней до долгожданного заседания Фатхулла Бадретдинович зовет в гости корреспондента «Медиазоны». Вдвоем с женой он живет в двухкомнатной квартире недалеко от центра Уфы, на третий этаж поднимается пешком — в доме нет лифта, водит машину, пользуется ноутбуком, с

удовольствием фотографируется и, когда волнуется, красочно матерится.

В большой комнате стол завален бумагами; несколько увесистых папок хранятся в сейфе, другие — в шкафу; материалы аккуратно собраны в файлы, в каждую папку вложен лист с описью, на обложки приклеены машинописные ярлыки: «Документы, подтверждающие непричастность Исхакова Фатхуллы Бадретдиновича по уголовному делу №49089 от 23 мая 1959 года».

«Тут неопровержимые доказательства», — показывает хозяин свой архив. Иногда он забывает, где какие документы лежат. Некоторые материалы продублированы — одну папку он запросто отдает корреспонденту «Медиазоны» и разрешает не возвращать.

Фатхулла Исхаков. Фото: Вадим Брайдов / Медиазона

Фатхулла Исхаков родился в 1937 году младшим из пяти братьев, окончил семь классов деревенской школы и пошел работать в животноводческий колхоз.

«Я вырос такой свободный, никого не боялся, старался людям делать такие добрые дела — меня воспитали так. Мне мать говорила: если тебя камнем ударили, то ты хлебом ударь. Этих двух слов мне было достаточно на всю жизнь запомнить: человек тебе плохо сделал

— а ты ему хорошо сделай, он потом поймет. Вот в таком духе я воспитан», — взахлеб рассказывает он, признавая, впрочем, что в юности совершал поступки, за которые приходилось краснеть.

«Мы с ребятами хулиганили, то огурцы, то моркошки из огорода чужого брали, это все деревенские [обычаи]», — вспоминает Исхаков.

«Те времена голодные были, хлеб был как пряники, но все равно мы жили вроде бы нормально. В один день [в 1953 году] мы у односельчанина украли мед: Фанис, Раис и я. Ну, съели. Деревня же, на второй день узнали, что мы украли мед и съели. От родителей попало нам, конечно: хорошенько наказали по заднице, [перед] хозяином заставили нас извиниться. Мы пришли, на коленях извинились, он не написал в правоохранительные органы, простил нас — больше не делайте так, все! — говорит Фатхулла Бадретдинович. — Я все припоминаю, как сегодня».

Главной причиной последовавших за кражей меда невзгод Исхаков называет свое редкое мужское обаяние и былую популярность у сверстниц. Как-то на межрайонном сабантуе, уверяет старик, он познакомился с девушкой по имени Асия. Та влюбилась в видного парня, который раз за разом побеждал на деревенских спортивных соревнованиях, а он ее отверг — уже был помолвлен со своей будущей первой женой Миннеямал.

Но Асия оказалась сестрой старшего оперуполномоченного по фамилии Галиуллин. Этот милиционер, судя по изученным «Медиазоной» материалам уголовного дела Исхакова,

действительно сыграл в нем ключевую роль и фактически руководил расследованием. Фатхулла Бадретдинович думает, что оскорбленная отказом Асия пожаловалась брату, и тот решил отомстить за сестру.

«Он дал участковому задание собрать материал и посадить меня. А участковый знает всю ситуацию, знает, что мы три года назад мед украли — вот за это нас посадили. Меня, Раиса и Фаниса. Им по три года дали, мне — шесть лет. Галиуллин потому что из-за меня оформлял все эти документы, — утверждает Исхаков. — Галиуллин пришел с фронта, он очень страшный человек был, у него резаная рана была ото лба до скулы, страшный человек, боялись его прокуратура, суды, депутаты — все боялись, он их пинком гонял, беспредельничал».

Второй причиной уголовного преследования, верит Фатхулла Бадретдинович, стало его обостренное чувство справедливости. По словам пенсионера, в молодости он конфликтовал с колхозными функционерами, которых подозревал в воровстве («председатель колхоза, бригадир колхоза, сельсовета председатели на широкую ногу жили»), а те ожидаемо недолюбливали его и охотно помогали следствию.

Первый приговор — за кражу меда — Исхакову вынесли в 1956 году. Он получил тогда шесть лет, его подельники — по три года. Дело было возбуждено на основании части 2 статьи 1 указа «Об усилении охраны личной собственности граждан» (кража, совершенная воровской шайкой).

Молодого человека отправили отбывать наказание в соседнюю Челябинскую область, в середине 1958 года Исхаков освободился условно-досрочно. Фатхулла Бадретдинович рассказывает, что суд тогда запретил ему возвращаться в Башкирию, но он этот запрет нарушил, приехал в Большие Каркалы к родителям и вышел на работу в колхоз.

Большие Каркалы. Фото: Вадим Брайдов / Медиазона

Ночь была лунная

22 мая 1959 года, говорит Фатхулла Бадретдинович, он помогал соседу «поднимать» сруб. После работы в таких случаях полагалось небольшое застолье.

«Потом мы покушали, кислушки выпили, я не пьяный был для такого возраста, и мать заходит: сын, ты покушал? А там взрослые были, я молодой был, двадцать два, матери говорю — ладно, я пошел домой. Жена домой корову пригнала. Я устал, целый день солнце, лег и до утра не просыпался, — вспоминает Исхаков. — [Утром] пинок, я просыпаюсь — стоит Галиуллин. Я уже его узнаю, как говорится, по запаху. Ты что, говорю я — и встал. Че?! А чего ты спишь, говорит такой. А чего? Иди на *** [на хрен], я говорю, кто тебя пустил, зачем тебя зашел? Я тебя, говорит, ***** [черт], все, ты в моих руках, я смотрю — у него в руке пиджак мой. У тебя на пиджаке, говорит, кровь потерпевшей. Какой потерпевшей, что ты бредишь?».

Дойдя в своем рассказе до этого момента, Исхаков делается заметно возбужденным и начинает много ругаться.

По его словам, версия Галиуллина была такова: Раис Рахматуллин, вместе с которым Фатхулла несколько лет назад украл мед, дал против него показания, и поэтому Исхаков решил отомстить его родственницам.

Сейчас Фатхулла Бадретдинович настаивает, что показания Раиса были правдивыми, и обиды на подельника он не таил. Раис, говорит пенсионер, после освобождения поселился неподалеку от Больших Каркалов; несколько раз они встречались, выпивали и в целом сохранили приятельские отношения.

Согласно приговору, отмены которого больше полувека пытается добиться Исхаков, дальше события развивались так: вечером 22 мая он лег спать пьяным, а среди ночи, разбуженный тяжелыми мыслями, отправился убивать соседок.

«Ночью, когда родители и жена уснули, он — Исхаков — тихонько встал с постели, вышел во двор, стоя во дворе, он вспомнил свою прежнюю судимость и за это решил мстить семье Рахматуллина Раиса, считая, что он страдал через Рахматуллина Раиса. С такой мыслью Исхаков вышел на улицу, вошел во двор напротив живущего гр. Искандерова, взял у него из-под навеса топор и пошел в дом Рахматуллиной Сабиры, матери Рахматуллина Раиса, но сразу войти во двор ему — Исхакову — не пришлось ввиду того, что у двора на лавочке Рахматуллиных (потерпевших)

сидели молодежь, — говорится в документе. — Увидев их, Исхаков повернулся обратно и другим краем улицы пошел по направлению своего дома <...> Когда сидящие у двора Рахматуллиных — колхозная молодежь — ушли, скрылись с вида, Исхаков с топором в руках и проволокой, взятой со своего двора, пришел во двор потерпевших Рахматуллиных, где при лунном освещении хорошо увидел, что на нарах спят трое — Рахматуллина Сабира со своей дочерью Марьям и третья потерпевшая была Рахимкулова Асия — подруга Марьям».

«Обвиняемый Исхаков, воспользовавшись тем, что все трое потерпевших крепко спят и не окажут ему сопротивления, начал осуществлять свои преступные намерения и решил всех троих убить насмерть путем нанесения повреждений принесенным им топором в область головы. С этой целью Исхаков наносил им топором в область голов 2-3 удара каждой, после чего Исхаков вышел во двор, закрыл снаружи дверь на замок и пошел к себе домой спать», — написал в приговоре народный судья Даминов.

Уголовное дело расследовалось по статье 19, пунктам «а» и «е» статьи 136 УК РСФСР 1926 года (покушение на убийство, совершенное из ревности с использованием беспомощного положения потерпевшего). Кроме того, в приговоре был и второй эпизод, скорее уже комический: как-то в мае (точная дата в документе не указана) пьяный Исхаков пришел в контору правления колхоза «Победа», обматерил председателя и не послушался, когда парторг «просил, чтобы он ушел по-хорошему из конторы и не мешал работать». Эта выходка была квалифицирована по статьям 73 и 74 УК

РСФСР (сопротивление представителям власти и хулиганство). Фатхулла Бадретдинович клянется, что такого не было — позже суды, рассматривавшие его жалобы, исключили эти обвинения из приговора.

Исхаков настаивает: с Рахматуллиными он жил дружно, всегда помогал небогатым соседям, звал их в баню и за стол. По его словам, в ночь нападения он крепко спал, но от жены и родителей позже узнал, что испуганная Марьям тогда появилась у них в доме. Скорее всего, пытается восстановить события 1959 года Фатхулла Бадретдинович, девушка прибежала к соседям, просунула окровавленную руку в окно и дотянулась до крючка, который запирал дверь изнутри. Между окном и дверью висел пиджак Исхакова, на него попала кровь — так, считает пенсионер, пиджак и стал уликой по уголовному делу.

Его догадка подтверждается тем, что на двери, согласно протоколу осмотра жилища, тоже обнаружили пятна крови. При этом в материалах дела есть составленная оперуполномоченным Галиуллиным схема, согласно которой окровавленный пиджак лежал в совершенно другой части дома; ее Исхаков называет сфальсифицированной.

К полудню в Большие Каркалы приехал кинолог с собакой по кличке Тири. Согласно акту о применении служебной собаки, Тири, обследовав дом потерпевших, направилась к Исхаковым и облаяла Фатхуллу, стоявшего рядом с родными. Он возражает: все было не так, в первый раз собака прошла мимо, не обратив на него никакого внимания.

«Галиуллин нас загнал домой, меня, отца, мать, жену и сына. Мы стоим, как солдаты. Собаку привели. Собака стоит — Аллахом клянусь! — села, собаковод говорит: "Голос!", собака два раза гавкнула, и ее увезли. Мне Галиуллин говорит — пошли со мной», — рассказывает Исхаков.

Они вышли на улицу, у дома уже собрались односельчане. «Меня поставь при людях, собака пусть подойдет», — вспоминает Фатхулла Бадретдинович свои слова, обращенные к оперуполномоченному. Тогда Галиуллин ответил, что председатель и парторг жаловались: молодой колхозник якобы угрожал их убить. После этого его увезли в КПЗ и пять дней били, утверждает он.

Дом Рахматуллиных. Фото: Вадим Брайдов / Медиазона

«28 числа Галиуллин заходит ночью в камеру, я там сидел, вам не понять — в трусах, на нарах. Говорит: "Ну, Фатхулла, твоя песня спета, я четырех человек свидетелей нашел, твои признания мне на *** [на хрен] не нужны". Я говорю: "Но я-то

не выходил [из дома], какой свидетель может [утверждать обратное]?". А завтра, говорит, узнаешь. И вот с этими пацанами очную ставку делает. Я ***** [обалдел], если бы они меня увидели на улице — они бы как тени исчезли, потому что я всегда Марьям защищал, вместе ее в кино водили — раньше крутили [в клубе], — вспоминает он, показывая на свою голову. — Галиуллин заходит в камеру, и вот рана на всю жизнь. Дальше я не помню ничего, меня холодной водой обливали. Я очнулся, я не умер, он мне сказал — я тебя, ***** [черт], убью, я ни за что не отвечу, и ударил меня».

Фатхулла Бадретдинович готов бесконечно говорить о процессуальных нарушениях, допущенных в ходе следствия. Например, по словам Исхакова, первую бумагу он подписал 24 июля, и это было постановление о привлечении в качестве обвиняемого; старик несколько раз повторяет, что в деле этот документ можно найти на 184-й странице. При этом еще до этого в деле появились его признательные показания на татарском языке без подписи. Из-за этого при обжаловании приговора суды различных инстанций указывали, будто он сперва признал вину, но позже изменил свою позицию.

Судили Исхакова в октябре того же 1959 года, процесс занял три дня, на нем выступили трое свидетелей из числа тех молодых людей, что якобы видели обвиняемого у Рахматуллиных при свете луны.

По утверждению Фатхуллы Бадретдиновича, позже ему стало известно, что одна из жительниц села была негласным осведомителем милиции и просила

потерпевших сказать, будто они видели, что напал на них именно Исхаков — но безуспешно; в приговоре подобные показания не упоминаются. «Мы не видели, не просыпались», — пересказывает он слова пострадавших женщин, уверяя, что судья Даминов уговаривал его самого признаться в преступлении — тоже безуспешно.

На третий день процесса суд назначил Фатхулле Исхакову 15 лет лишения свободы с отбыванием первых шести лет в тюрьме и последующей высылкой из Башкирии на пять лет — запрет на посещение родных мест пенсионер тоже засчитывает в срок наказания и говорит: «20 лет мне дали».

Первый год он провел в одиночной камере тюрьмы в Белебее, потом его перевели в исправительно-трудовую колонию №9 в Уфе. Там Фатхулла вроде бы работал на лесопилке — точно он уже не помнит.

«Я когда сидел в тюрьме, там сидел из татар хороший хирург, у него были материалы свои, он меня натаскивал на медицину. Ты, говорил он мне, очень сообразительный, тебе надо медициной заниматься. <...> Я в "девятке" заболел и попал в санчасть, там работала Валентина Михайловна Симонова. Почему-то она меня знала — виделись на стороне, может. Видит, что человек не похож на преступника, <...> она меня взяла в санчасть, я все читал, читал, я фельдшерское образование уже имел там», — с гордостью вспоминает бывший заключенный.

Позже Исхакова как рецидивиста и осужденного за тяжкое преступление направили в колонию строгого

режима в Мелеузе, но медики из Уфы дали ему сопроводительное письмо, благодаря которому он и на новом месте без труда получил должность фельдшера. Фатхулла Бадретдинович говорит, что позже его даже направили в республиканскую больницу в Салават, где он выучился на лаборанта.

«В одном месте по три-четыре года держат с такой статьей, чтобы не привыкли», — объясняет он и вспоминает, что вскоре его снова перевели в новую колонию. К этому времени он достиг серьезных успехов в медицине, хвастает Исхаков.

«Я все ампутировал сам в лабораторных условиях, — утверждает он. — Если симулировали, я заходил и говорил: "Ты скажи правду, я тебя сейчас расколю, мы сейчас все установим". Он говорил: "Помоги дня три-четыре, пусть дадут больничный". Я говорил: "Давайте, чтобы он отдохнул". Все честно, благородно. Вот случай: в карты один проиграл и не платил, ему нос вот так нарезали лезвием и губы. Я в лабораторных условиях такую операцию сделал — *** [хрен] кто так сделает! Зашил все, у меня руки какие-то колдованые, что ли! Шрама не было через месяц. Приехал через месяц судмедэксперт, по специальности — хирург, чтобы дать заключение по степени тяжести. Пришел смотреть — а где рана?».

Администрация колонии, уверяет Фатхулла Бадретдинович, хотела поспособствовать его досрочному освобождению, но УДО было невозможно из-за тяжести преступления.

Он раз за разом обжаловал приговор и 14 июня 1972 года вышел на свободу, тут же отправился в Уфу и

устроился рентгенологом — суд не только сократил срок лишения свободы до 13 лет, но и отменил запрет на проживание в Башкирии.

Чуть позже Исхаков решил порвать с медициной — это занятие напоминало ему о тюрьмах и лагерях. Хотел поступить на экономиста, но накануне экзамена так сильно напился, что не смог сфокусировать взгляд на мелких буковках шпаргалки. Пошел в автотранспортный институт и выучился на механика, 30 лет проработал инженером-испытателем приборов в НИИ геофизических методов разведки. Говорит, что в 1970-х какие-то преступники звали его в банду, предлагая неплохие деньги, но Фатхулла, конечно, неизменно отказывался.

«У меня положительное как в человеке заложено, отрицательного нет у меня. Вот жена говорит: у тебя двое штанов будет, ты одни отдашь. А почему не отдать, если человек нуждается?» — без ложной скромности рассуждает он. Женатый теперь вторым браком, Фатхулла Бадретдинович гордится тем, что здоров, как бык, и даже имеет любовницу на 20 лет моложе.

За время заключения у него умерли мать, отец и первая жена. Впрочем, у татарина из многодетной семьи оставалось еще много родственников. Одна племянница Исхакова жила в Ташкенте. В середине 1970-х он решил ее навестить и неожиданно узнал, что там же поселился один из свидетелей, который утверждал, что видел его у дома Рахматуллиных.

«Я к ней поехал в гости, у меня сын там жил, мы разговорились, как дела <...> Она говорит — а [Ахат] Асфандияров вот тут в Чирчике живет, мы с ним встречались несколько раз», — вспоминает Фатхулла Бадретдинович.

Ахат Асфандияров. Фото: Вадим Брайдов / Медиазона

Их было четверо, четыре пацана

«В 1975 году, когда я жила в республике Узбекистан, город Чирчик, к нам приехал мужчина, которого я раньше не видела. Он сказал, что его зовут Исхаков Фатхулла. Мой муж пояснил мне, что это его земляк», — говорится в показаниях Сании Асфандияровой, жены Ахата, которые она дала в 2013 году.

Приезжий, вспоминала она, остался у Асфандияровых на ночь, а когда уехал, Сания спросила мужа, кто это был.

«Он пояснил мне, что Исхакова в 1959 году осудили за преступление, которого он не совершал, и также мне муж пояснил, что он дал показания против Исхакова, так как его заставили написать сотрудники милиции, — продолжала свой рассказ Сания. — Конкретно я у мужа не расспрашивала об этом».

«Я говорю, Ахат, здравствуй, дорогой. Ты почему тогда сказал, что меня видел на улице? Ты знаешь, я знаю, нас два человека, — пересказывает Исхаков

разговор с земляком. — Он говорит, что больше меня переживал за то, что сказал на суде, и готов полностью рассказать, как все получилось. Я говорю: "Ну, тогда пиши заявление, я прокурору передам"».

Асфандияровы сейчас снова живут в Башкирии, в селе Октябрьское Стерлитамакского района — это пара часов езды от Уфы. Теперь Ахат — единственный живой свидетель, который дал показания против Исхакова 60 лет назад.

73-летняя Сания заметно активнее мужа, именно она берет трубку домашнего телефона и отговаривает журналистов от встречи с Ахатом: «Глухомань, уже ничего не помнит». Впрочем, переубедить ее не составляет труда.

Заметно, что к приезду корреспондента «Медиазоны» хозяйка готовилась — на ней нарядное платье. Пока глуховатый и уже почти беззубый Ахат с улыбкой вспоминает молодость, Сания суетливо накрывает стол и уточняет у гостей, наливать ли им молоко в чай.

Майские события 1959 года Ахат уже почти забыл, говорить по-русски ему трудно, но он с готовностью подтверждает свои первоначальные показания.
Из них следовало, что бывшая одноклассница Асфандиярова Марьям Рахматуллина чем-то не угодила ему и другим молодым односельчанам, и они нацарапали на ее заборе ругательства. После этого парни отправились ночевать на крышу сарая, и только один из них — Наиль Саидбатталов — не присоединился к компании.

Асфандияров говорит, что наутро они с товарищами узнали о нападении. Потом Ахат отправился на смену (он работал помощником тракториста), а к вечеру, вернувшись в деревню, услышал, что за преступление задержали Фатхуллу Исхакова. Еще через три дня друзей арестовали на 15 суток за мелкое хулиганство из-за матерных надписей на заборе Рахматуллиных.

«Когда началось расследование, нас привлекли как свидетелей. В ходе вопросов я и мои товарищи сначала давали показания так, как это было в действительности. Но почему-то сотрудники, которые вели расследование, под всяким нажимом и угрозами заставили нас признаться в том, что недалеко от дома Рахматуллиных мы видели якобы Исхакова Фатхуллу, хотя мы его не видели», — признавался Ахат уже позже, в 1976-м.

В конце концов юноши дали показания против Фатхуллы и выступили с ними в суде. Вскоре, по словам Ахата, пути друзей разошлись: его призвали в армию и отправили служить в Ухту. Теперь пожилой мужчина уверяет, что он всегда тяготился своим поступком и однажды рассказал обо всем армейскому другу, а тот посоветовал признаться в лжесвидетельстве и тем облегчить участь осужденного без вины Исхакова.

Асфандияров рассказывает «Медиазоне», что в 1963 году он последовал этому совету и, находясь в Башкирии в увольнительной, подал в милицию заявление о даче ложных показаний, но никакой реакции на него не последовало. Следующее заявление он написал уже в 1976 году после встречи с Фатхуллой и по требованию последнего; этот

документ позже будет приобщен к материалам уголовного дела.

Показания других свидетелей тоже появятся в деле. Фатхулла Бадретдинович говорит, что еще одного молодого человека, который дал на него показания — Дамира Темирбулатова — он нашел через своего брата, а двоих других разыскали уже милиционеры. Все трое признали, что оговорить Исхакова их заставили милиционеры. Но в остальном показания бывших односельчан серьезно расходятся — в отличие от Ахата Асфандиярова, Наиль Зайнетдинов, Дамир Темирбулатов и Наиль Саидбатталов рассказали не только о лжесвидетельстве, но и о самом ночном нападении.

Фатхулла Бадретдинович предоставил «Медиазоне» объяснительную Зайнетдинова, датированную 1983-м годом, из которой следует, что деревенские парни очень хотели общения с девушками, но те не принимали их ухаживания. Ночью четверо пьяных молодых людей раздобыли на соседнем дворе топор и «пошли озорничать». Со слов Зайнетдинова, все, кроме него, зашли в дом; топор был у Саидбатталова.

«Они из дома быстро выбежали, дверь закрыли на замок и все убежали к речке мыть руки и говорили, чтобы мы об этом никому не говорили, — вспоминал Зайнетдинов. — Утром по всей деревне шум, гам. Говорят, ночью зарезали троих в доме Рахматуллиных. Я только тогда понял, что они сделали втроем в доме».

Большие Каркалы. Фото: Вадим Брайдов / Медиазона

Через два года после этого объяснения Наиль Зайнетдинов повесился. Похожие показания дал в 1990 году Дамир Темирбулатов. Его версия отличается тем, что лица женщин в ней резали не три человека, а только один — Наиль Саидбатталов: Зайнетдинов стоял на улице, а Темирбулатов и Асфандияров, хотя и зашли в дом, но якобы остались в сенях. При этом Темирбулатов — единственный из свидетелей, кто в 1959 году дал показания на следствии, но не был допрошен в судебном заседании. По словам Исхакова, молодой человек тогда грозился рассказать правду, и поэтому вместо него в приговоре упоминаются показания человека по фамилии Байтемиров. Кто это, Фатхулла Бадретдинович не знает.

Темирбулатов умер в 2012 году от рака легких. В том же году показания дал четвертый свидетель — Наиль Саидбатталов. Его рассказ, изложенный в явке с повинной, оказался самым драматичным.

«Я лично любил девушку Рахматуллину Марьям, безумно любил, она дружила с гармонистом Галиуллиным Равилем, это меня бесило до невозможности, днем и ночью думал о ней, — объяснялся он. — Этот роковой день 22 мая 1959 года перевернул мою многострадальную молодость, так как я с восьми лет был беспризорником, отец-мать жили в Узбекистане и не воспитывали меня, а отвезли

к тете Розе в Большие Каркалы, а там в деревне я был сам себе хозяин, хулиганил, не учился и остался с шестиклассным образованием».

По словам Саидбатталова, вчетвером пьяные юноши сперва пришли к соседям Рахматуллиных, подперли их дверь вилами и лопатами и выпустили из сарая корову с овцами, там же подобрали топор, а потом отправились к дому, где ночевали девушки.

«Я безумно ревновал к Равилю, что он дружит с моей любимой девушкой Марьям, отбить девушку никак не получалось. Я неоднократно хотел отомстить Марьям, — рассказывал Саидбатталов. — Я открыл проволокой дверь, зашел, топор оставил на полу. Смотрю, спят втроем. Сколько раз порезал лицо Марьям — не помню, цель была — испортить ей лицо, чтобы никто с ней не дружил. Асию, Зайтуну порезал по одному разу».

При этом Наиль подчеркивал, что резал лица не топором, как утверждалось в приговоре Исхакову, а бритвенным лезвием.

В 2013 году, после того, как Саидбатталов написал явку с повинной, телеканал НТВ выпустил сюжет под названием «Мордовский пенсионер признался в преступлении полувековой давности». Раскаявшегося Наиля журналисты привезли извиниться сперва перед Фатхуллой, а потом — перед той самой Марьям, на которую он напал.

— Ты зачем это сделал? — спрашивает перед камерой рассерженная пенсионерка у немолодого мужчины, который сидит у нее на кухне.

— От ревности, ревновал, — отвечает тот.

— А чего ревновать-то? Я не твоя жена, — недоумевает она.

Дальше диалог заглушает закадровый голос корреспондента НТВ, который уверяет, что «расставались пенсионеры уже как хорошие приятели, вот только попытку Наиля поцеловать на прощание руку возлюбленной Марьям пресекла».

Несмотря на расхождения в показаниях свидетелей — трое утверждают, что Ахат Асфандияров в момент нападения был в доме, а сам он это отрицает — в одном они сходятся: показания на Фатхуллу Исхакова их заставили дать милиционеры.

Саидбатталов рассказывал, что арестованных на 15 суток молодых людей вывезли в лес на делянку: «Дали поперечную пилу, заставили вручную пилить лес, дали норму и кормили хлебом с водой. Мы не выдержали голода и комаров и вынуждены были подписать ихний протокол». После суда приятели разъехались кто куда и больше не виделись.

«Эти четверо ребят — я на них зла никакого не имею. Они жертвы тоже, не реализовались», — говорит Исхаков.

Житель села Большие Каркалы. Фото: Вадим Брайдов / Медиазона

Оправдание растягивается на 29 лет

В 1990 году прокуратура возобновила производство по делу ввиду вновь открывшихся обстоятельств. К этому времени в распоряжении ведомства были показания трех свидетелей — всех, кроме Саидбатталова, которого тогда не смогли найти и который позже признается в нападении.

В рамках этого производства в 1993 году была произведена судебно-медицинская экспертиза. Специалисты, изучив старые документы и обследовав потерпевшую Марьям Рахматуллину, пришли к выводу, что в 1959 году полученные ей повреждения квалифицировали неверно.

Тогда специалист посчитал, что повреждения могли быть нанесены рубящим предметом (то есть, как и утверждало следствие, топором) и относились к разряду тяжких, поскольку представляли опасность для жизни и здоровья Марьям.

В 1993 году судмедэксперты пришли к выводу, что Рахматуллина получила легкие телесные повреждения, которые никакой опасности не представляли. Впрочем, отмечали специалисты, исключить, что раны действительно нанесли топором, нельзя.

«Представь себе, три человека лежат под одеялом. Человек пришел, здоровый, 22 года, каждому по три раза по голове плотницким топором ударил. Каждому по три раза! Она спит, не просыпается, второй три раза ударил топором — не просыпается. Третьей — не проснулись они. Если б я ударил три раза [топором] по голове любому человеку, голову не собрали бы! Преступление не совершено таким способом! — негодует Фатхулла Бадретдинович. — До сих пор трактуют так, что Исхаков пришел и каждой по три раза по голове!».

В том же году силовики нашли Саидбатталова. Он признал лжесвидетельство под давлением, но заверил, что к нападению не причастен и вообще не помнит событий 30-летней давности. Из-за этого прокуратура постановила прекратить производство по вновь открывшимся обстоятельствам.

Это постановление прокуратура отменила спустя еще 20 лет — когда Саидбатталов все-таки написал явку с повинной. Почему он решился на это, выяснить сейчас уже невозможно: Наиль жил один, не имел паспорта и несколько раз был судим. В 2014 году он умер от ишемической болезни сердца.

Как объясняет юрист Виталий Буркин, представляющий интересы Фатхуллы Исхакова, тогда он предполагал, что дальше события будут развиваться по следующей схеме: Следственный комитет откажет в возбуждении дела о лжесвидетельстве за давностью события, а прокуратура обратится в Верховный суд Башкирии с заключением о возобновлении производства и отмене приговора Исхакову. Суд, рассчитывали

Буркин и его доверитель, направит уголовное дело 1959 года на новое рассмотрение, а следствие, учитывая признательные показания Саидбатталова, придет к выводу о том, что Исхаков к нападению не причастен. После этого Фатхулла Бадретдинович мог бы добиться реабилитации.

Однако все пошло не так. Хотя Следственный комитет и выносил постановления об отказе в возбуждении дела, прокуратура неизменно их отменяла — это длилось с 2009-го по 2017 год; надзорное ведомство раз за разом указывало на неполноту проведенной доследственной проверки. Причиной были нестыковки в показаниях свидетелей, главным образом — в вопросе о том, откуда взялся топор и что же в действительности стало орудием преступления.

В 2015 году прокуратура все же вышла в президиум Верховного суда Башкирии с заключением о проведении нового производства, но в день его рассмотрения сама же это заключение отозвала. Как рассказывает Буркин, позже выяснилось, что прокуратура тогда в очередной раз отменила отказное постановление СК.

Следственный комитет при этом занимал сторону Исхакова; в 2015 году руководитель башкирского управления ведомства Рим Габдуллин даже обращался в связи с его делом в главное управление процессуального контроля СК и обвинил прокуратуру в затягивании разбирательства.

Фатхулла Исхаков. Фото: Вадим Брайдов / Медиазона

«В настоящее время установить механизм и орудие преступления, а также противоречия в показаниях не представляется возможным, данные указания прокурора неисполнимы <...> В ходе проверки проведены все необходимые и возможные проверочные мероприятия, — писал Габдуллин. — Необоснованное инициирование дополнительной проверки ведет к нарушению разумных сроков уголовного производства, излишней загруженности следователей, а также нарушению прав Исхакова».

Глава башкирского управления СК просил федеральное руководство обратиться в Генеральную прокуратуру, чтобы та повлияла на республиканское надзорное ведомство и дело наконец передали в президиум Верховного суда региона.

Но никаких последствий письмо Габдуллина не возымело: прокуратура продолжила отменять отказные постановления СК, а в августе 2017 года и вовсе решила прекратить производство. Ведомство привычно ссылалось на противоречия в показаниях фигурантов. Ключевой свидетель Саидбатталов, отмечали в прокуратуре, за два месяца до признания в нападении на девушек уверял, что не помнит событий даже пятилетней давности.

Кроме того, прокуратура напоминала, что в 1959 году, согласно документам, у одной из потерпевших

— Асии Рахимкуловой — диагностировали проникающие раны головы с частичным выпадением мозгового вещества. В ведомстве сочли, что нанести такие травмы бритвенным лезвием невозможно.

Смутило прокуратуру и еще одно обстоятельство. Человек по фамилии Баянов, который в 1959-м был народным заседателем, в 1980-х годах дал показания, согласно которым процесс по делу о ночном нападении в Больших Каркалах проводился с многочисленными нарушениями. Впоследствии, отмечало ведомство, Баянов признал, что говорил так по просьбе Исхакова.

Впрочем, объясняет юрист Буркин, в итоге решение надзорного ведомства парадоксальным образом сыграло на руку Исхакову — после прекращения производства он мог самостоятельно обратиться в президиум ВС Башкирии.

Из-за процессуальных нюансов материалы приняли к рассмотрению только в 2019 году.

Заседание президиума назначили на 19 июня. Дело, которому Фатхулла Исхаков посвятил три четверти своей жизни, было как никогда близко к завершению. В назначенное время — 9:30 — Буркина и его клиента позвали в зал и объявили, что из-за неявки одного судьи необходимый кворум — пять судей — не собрался. Заседание перенесли на 14 августа.

«У нас реформа, старые [судьи] ушли, новых не назначили. И все вроде бы было бы правильно, но случилась интересная вещь: они начали рассматривать другие дела. Если они начали

рассматривать другие дела, это говорит о том, что кворума не может не быть», — недоумевает юрист.

Его подозрения отчасти подтверждаются информацией с сайта Верховного суда Башкирии, из которой следует, что в тот же день, 19 июня, президиум все-таки собрался и вынес несколько решений. Причем в опубликованных документах указан и состав президиума: председатель суда Земфира Латыпова и еще четыре судьи. То есть кворум в тот день все-таки был, рассуждает юрист.

Весь день несостоявшегося заседания Фатхулла Бадретдинович по привычке потратил на написание жалоб в разные инстанции — вплоть до председателя Верховного суда.

В начале июля заседание неожиданно перенесли еще раз, уже на более раннюю дату — 17 июля. «Жалобы подействовали», — предполагает Буркин.

Полученные при нападении травмы не помешали Марьям Рахматуллиной позже выйти замуж и сменить фамилию.

Редактор: Дмитрий Ткачев